

УДК 338.26

Н.А. Скрыльникова, А.В. Ложникова, П.П. Щетинин

СИНТЕЗ ДОЛГОСРОЧНОГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье обосновывается необходимость синтеза долгосрочного научно-технологического и социально-экономического прогнозирования. Показано, что частно-государственное партнерство на основе непреложного синтеза научно-технологического и социально-экономического прогнозирования получает содержательное наполнение и будет способствовать действительной гармонизации интересов общества, науки, бизнеса и государства.

Ключевые слова: научно-технологическое прогнозирование, социально-экономическое прогнозирование, приоритетные направления развития науки, технологий и техники, критические технологии, частно-государственное партнерство, синтез.

Разработка и представление обществу многочисленных прогнозов, стратегий, концепций и доктрин, казалось бы, уже стали режимом деятельности российского правительства и соответствующих министерств и ведомств. Замедление темпов экономического роста в 2013 г. позволяет говорить о рецессии в российской экономике (по всем техническим признакам и критериям). Это неизбежно вызывает оценки в духе «исчерпания ресурсов сырьевой модели» не только со стороны представителей экономической науки, но и экспертов, в том числе ангажированных, и (страшно сказать!) членов правительства. Признание исчерпания прежней модели приводит к постановке вопроса о новой модели роста, что, в свою очередь, требует активизации прогнозной деятельности. Напомним, что еще в июле 1995 г. был принят Федеральный закон № 115 «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». Но теперь уже неактуальная трактовка долгосрочного периода (всего на 10 лет вперед), декларативная увязка социально-экономического и научно-технического прогнозов (не раскрытая и в сопровождающем закон «Порядке разработки прогноза социально-экономического развития»), установление связи прогнозирования и планирования исключительно на краткосрочную перспективу не могут позволить этому законодательному акту стать действенным институциональным инструментом, регламентирующим процессы прогнозирования.

Прогнозирование – это не «вещь в себе», не «искусство ради искусства». Это деятельность, предполагающая целеполагание и обусловленная целеполаганием. К основным направлениям исследований (и моделирования) будущего относят: футурологические исследования (социальное предвидение), концепцию устойчивости, прогнозирование, форсайт (предвидение), стратегическое планирование [1. С. 59–60]. Не останавливаясь на определениях и предметных границах каждого из направлений, отметим фиксируемый спе-

циалистами факт отсутствия сотрудничества и даже осведомленности в некоторых случаях о методах и достижениях в работе в смежных направлениях.

Российская экономическая мысль определяет прогнозирование как систему научных исследований, направленных на выявление формирующихся тенденций и возможных путей оптимального решения проблем, вызванных этими тенденциями, в целях повышения эффективности управления развитием общества, народного хозяйства, регионов, отраслей, секторов. Экономическое прогнозирование, связанное с уточнением его «идеологии», горизонтов и методов, опирается в первую очередь на разработки советского периода, нашедшие отражение в трудах А. Анчишкина, Н. Федоренко, Ю. Яременко. Разумеется, сегодняшнее представление о прогнозировании не может не учитывать достижения современной западной прогностики и моделей проектирования будущего.

Следует понимать, что прогнозная деятельность – это сложно структурированный процесс, имеющий конечные, промежуточные и побочные результаты. Подготовка текста прогноза в качестве заключительного документа не означает завершение процесса. Участие в прогнозировании и взаимодействие с аффилированными структурами и лицами способствуют возникновению новых инициатив: политических, экономических, научно-технологических, направленных на развитие гражданского общества. Работа над прогнозами и собственно прогнозные тексты увеличивают базу знаний и актуализируют ее.

Прогнозная деятельность в первую очередь, характеризуется как научная, экспертная, аналитическая. Но эта деятельность одновременно либо лимитируется, либо сопрягается со следующими (не ранжируемыми) процессами и явлениями:

1. Социально-экономическое и научно-технологическое прогнозирование тесно связано с политическими программами и генерацией политических предложений. Вот почему так важно наличие ответственных лидеров и лиц, принимающих решения, обладающих политической волей, понимающих смысл и суть прогнозной деятельности, способных организовать прогнозные процессы на разных уровнях и конструктивно учесть предложенные рекомендации.

2. Наличие экспертов высокого уровня в различных сферах и областях знания. Мультидисциплинарный подход открывает принципиально новые возможности как адекватного отражения возрастающей сложности происходящих процессов, так и адекватного ответа на вызовы.

3. Представление о собственной логике научно-технического прогресса неизбежно «вплетено» в экономико-теоретический контекст научного знания. Монополизация экономической мысли по определению означает игнорирование (замалчивание) альтернативных концепций и моделей. Это задает прогнозной деятельности «мэйнстримовский» смысл, параметры и оценки.

Синтез подготовки материалов и результатов долгосрочного научно-технологического и социально-экономического прогнозов служит основанием для проверки методологии и объяснительных возможностей доминирующих теорий экономико-социогуманитарного знания, поскольку этот синтез основан на антропоцентризме, т.е. подчиняет развитие не просто достижению приоритетов, определенных субъективным образом, а истинным целям чело-

веческого развития. Уточнение научно-технологических приоритетов и критических технологий позволяет согласовать цели долгосрочной экономической политики и достижение многоаспектных гуманитарных ценностей (высокий уровень и качество жизни, физическое и нравственное здоровье, безопасность, социальная защита и социальные связи, общественная солидарность, реальные возможности, гарантии прав и свобод личности).

4. Понимание и структурирование интересов (как долгосрочных, так и краткосрочных) основных акторов прогнозной деятельности. Речь идет как о разработчиках, так и о тех, на кого направлены результаты прогнозной деятельности. Здесь же лежит объяснение степени готовности общества воспринимать прогнозы в зависимости от настоятельности деятельности в прогнозируемой сфере. Следует отметить опасность завышенных прогнозных ожиданий, приводящую к развитию социальной апатии.

5. Прогнозная деятельность зависит от уровня квалификации государственных служащих. Система действий, направленных на решение проблем, выявленных в результате прогноза, может противоречить рутинным управленческим процедурам. Те, кто реализует прогнозные установки, должны как минимум их понимать и не саботировать. Вот почему большое значение приобретают различного рода образовательные программы по прогностике.

6. Прогнозная деятельность должна иметь дальнейшее институциональное сопровождение. Под этим подразумеваются инвестиционные программы, механизмы финансового обеспечения, правовые регламентации, приводимые в соответствие с прогнозными показателями.

Рассмотрим некоторые из перечисленных моментов применительно к долгосрочным прогнозам в современной России. В отсутствие научно обоснованного целеполагания и процедур обсуждения критериев целедостижения долгосрочный научно-технологический прогноз и долгосрочный прогноз социально-экономического развития в России «рисуют» будущее совершенно по-разному, что не может не усиливать энтропийные процессы в экономике и обществе. Научно-технологический прогноз отражает логику развития знаний о мире и основные тенденции имеющихся технико-технологических заделов. Но он должен быть подчинен логике гуманистического развития и в этом смысле должен «витать как предпосылка» любого социально-экономического прогноза. То есть прогнозная деятельность синтетична изначально, она не может быть раскрашена, если продолжить метафору с рисованием, только технократическими или гуманистическими красками.

«Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года», опубликованный на сайте Правительства РФ в марте 2013 г. [2], дает основания для выводов о status quo в российском социально-экономическом прогнозировании.

Прежде всего, отметим, что научно-технологические проблемы представлены в разделе «Развитие науки, технологий и инноваций» в ряду разделов: «Развитие человеческого капитала и уровень жизни населения», «Инвестиции», «Цены и тарифы на продукцию (услуги) компаний инфраструктурного сектора. Параметры инфляции, динамика цен производителей», «Охрана окружающей среды. Развитие ресурсного потенциала экономики», «Развитие производственной инфраструктуры», «Повышение конкурентоспособности

отраслей промышленности», «Развитие агропромышленного комплекса», «Развитие малого предпринимательства и институциональные преобразования», «Территориальное развитие», «Долгосрочный прогноз параметров развития бюджетной системы», «Внешекономическая деятельность». Такое линейное представление свидетельствует о непонимании характера влияния научно-технологических трендов в отношении перечисленных экономических процессов и секторов экономики.

В разд. 2.2 «Мировое технологическое развитие» дан анализ системы приоритетов мировых центров научно-технического развития, описаны основные научно-технологические тренды, представлены прогнозные значения объемов рынков (по данным технологических платформ). Но затем, в разделах, посвященных собственно развитию этих отраслей (секторов, комплексов) и процессов, никаким образом выявленные приоритеты и тренды не воспроизводятся и не конкретизируются! Так, раздел «Науки о жизни» содержит описание драйверов развития sciences of life и ключевых научно-технологических трендов (например, развития технологий персонализированной медицины и таргетной терапии, распространения «умных» лекарств, создания пищевых и технических культур с улучшенными или новыми свойствами и т.д.). Отмечается, что технологические тренды позволят адекватно ответить на ряд социально-экономических вызовов (снижение роста заболеваемости и смертности населения, удовлетворение растущего спроса на продукты питания через распространение ГМО и др.) [2]. Но разд. 4.4 «Развитие экономики здравоохранения» позволяет проследить связь с содержанием направлений развития наук о жизни только в форсированном сценарии развития к 2030 г.

То же самое касается содержания раздела «Информационно-телекоммуникационные системы» п. 2.2: описаны ключевые научно-технологические тренды и представлено понимание (правда, довольно упрощенное) влияния этих трендов на социальные процессы. Но разд. 9.3 «Информационно-коммуникационные технологии» содержит архаичный по содержанию и лексике прогноз развития этой сферы (например, контекстное впечатление заключается в том, что основными направлениями в развитии связи является модернизация инфраструктуры ФГУП «Почта России», изменения в почтовой логистике, использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет для передачи почтовых переводов денежных средств).

Такого же рода замечания следует высказать в отношении прогноза по повышению конкурентоспособности отраслей промышленности, внешнеэкономической деятельности, развитию территорий.

Производство фармацевтической продукции и медицинских изделий, как известно, значится в списке высокотехнологичных наукоемких отраслей второй позицией после производства летательных аппаратов. Несмотря на это, для российской фармацевтики сценарии прогноза не разрабатывались. Для справки: в разд. 10 «Повышение конкурентоспособности отраслей промышленности» представлены нефтедобыча, газовая промышленность, добыча угля, производство нефтепродуктов, машиностроительный комплекс, авиа- и судостроительная промышленность, ракетно-космическая и радиоэлектронная промышленность, автомобилестроение и сельскохозяйственное машино-

строение, станкостроение, бытовая техника и энергетическое машиностроение, металлургический и химический комплексы, лесопромышленный комплекс, производство неметаллических минеральных продуктов, легкая промышленность, а разд. 11 посвящен прогнозу развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов. То есть, по существу, за исключением фармацевтики, все высоко-, средне- и низкотехнологичные отрасли получили в тексте «Прогноза...» довольно полное описание.

Таким образом, мы видим, что представленное описание тенденций (даже количественное) еще не есть полноценный прогноз.

Как осуществляется прогнозная деятельность в России?

В 2010 г. организация деятельности по долгосрочному научно-технологическому прогнозированию была вменена в обязанность российским вузам – победителям конкурса программ развития инновационной инфраструктуры согласно Постановлению Правительства РФ от 09.04.2010 № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования». В 2011 г. на базе ведущих вузов были созданы Общероссийские сети отраслевых центров прогнозирования по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники РФ, призванные разработать материалы долгосрочного прогноза научно-технологического развития РФ до 2030 г. (На базе ведущего исследовательского Томского государственного университета при участии авторов настоящей статьи создан и работает в интересах технологической платформы «Медицина будущего» один из таких отраслевых центров прогнозирования по приоритетному направлению развития науки, техники и технологий РФ «Науки о жизни».) Таким образом, вузы под руководством НИУ ВШЭ начали серьезно конкурировать с институтами РАН в этой сфере деятельности. Впрочем, конкуренция здесь не принесла пользы: рассматриваемый текст «Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» был подготовлен явно в автономном режиме по отношению к последним инициативам в сфере организации деятельности по научно-технологическому прогнозированию. В тексте «Прогноза...» отсутствует преемственность по отношению к результатам трехлетней работы ведущих российских вузов под руководством Министерства образования и науки РФ в сфере долгосрочного научно-технологического прогнозирования [3].

При этом следует понимать, что сегодня Министерство образования и науки РФ формулирует задачи долгосрочного научно-технологического прогнозирования, «захватывая попутно» значительный блок экономических вопросов в части рынков, оценки будущего спроса на продукты и рисков в секторах экономики и т.д. Здравый смысл подсказывает, что постановка перед организацией научно-технологического прогнозирования задач, не относящихся к ключевым компетенциям, не гарантирует успех в осуществлении прогнозного синтеза.

Так, деятельность по долгосрочному прогнозированию осуществляется разными субъектами и применительно к принципиально различным объектам. Объектом долгосрочного социально-экономического прогнозирования прежде всего является вид экономической деятельности (ВЭД), предпола-

гающий высокий уровень агрегирования исходных экономических показателей по большому массиву предприятий. Планируемые в системе ВЭД значения показателей очень далеки от первичной информации о проектах, продуктах и услугах предприятий, равно как и понятие «ВЭД» довольно далеко отстоит от одного из основных объектов научно-технологического прогнозирования – рынков продукции (услуг). На примере предметного для технологической платформы «Медицина будущего» приоритетного направления «Науки о жизни» можно продемонстрировать разницу между ВЭД и рынком продукции (таблица).

Некоторые примеры несоответствия наименований ВЭД и рынков продукции (услуг)

Наименования ВЭД согласно ОКВЭД	Наименование рынка
<i>Раздел А. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство</i>	АПК (агропромышленный комплекс)
<i>Раздел D. Обрабатывающие производства / подраздел DG. «Химическое производство» / пункт 4 «Производство фармацевтической продукции»</i>	Фармацевтический рынок
<i>Подраздел DL. Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования / пункт 33 «Производство изделий медицинской техники, средств измерений, оптических приборов и аппаратуры, часов»</i>	Рынок медицинской техники

Кроме того, существенными являются отличия в экономическом содержании оценочных показателей. Если масштабы ВЭД Федеральная служба по статистике (Росстат) определяет в первую очередь по показателю добавленной стоимости, не играющему никакой роли в управлении бизнесом, то предприятия измеряют свои рыночные достижения по другим показателям: объему продаж, показателям прибыли (EBITDA) и рентабельности.

В результате «отрасли (сектора) экономики и инновационные продукты» как объекты долгосрочного (до 2030 г.) научно-технологического прогнозирования для отечественных вузов и Министерства образования и науки РФ почти не сопрягаются с «видами экономической деятельности», выступающими объектом современного социально-экономического прогнозирования, выполняемого Министерством экономического развития РФ. В целях преодоления данного институционального барьера предлагается обеспечить содержательное наполнение модели частно-государственного партнерства в сфере науки посредством достижения согласованности и синхронности процессов долгосрочного научно-технологического и социально-экономического прогнозирования, программирующих, в свою очередь, через налоговое стимулирование и планирование НИОКР коммерциализацию результатов научных исследований в России.

Частно-государственное партнерство на основе синтеза научно-технологического и социально-экономического прогнозирования – это залог действительной гармонизации интересов общества, науки, бизнеса и государства. Осуществление деятельности в сфере долгосрочного научно-технологического прогноза предполагает достижение баланса между прямым государственным финансированием и дифференцированной системой налоговых

преференций для интегрированного с наукой бизнеса. Формирование и вовлечение экспертного сообщества на постоянной основе в открытые многошаговые процедуры независимого технологического аудита и экспертизы инвестиционных проектов требуют научно-методических и организационных обоснований посредством использования современных социальных технологий. Это позволит, к примеру, уйти от феномена «инвестиций вчерашнего дня», когда государственная поддержка осуществляется на конъюнктурной, а не на научной основе.

С другой стороны, синтез прогнозов даст новые возможности для решения задач собственно научной политики: уточнения долгосрочных научных, технологических и технических приоритетов, определения принципов инвестирования и пропорций распределения финансовых средств. Для обеспечения высоких результатов частно-государственного партнерства в сфере науки необходимы стратегические ориентиры, соответствующие индикативные программы на основе исследования ресурсных ограничений и рыночных перспектив, требуется надежная обратная связь, т.е. глубокая вовлеченность в разработку прогнозов критической массы акторов, владеющих соответствующими знаниями и реализующих разнообразные хозяйственные практики. В результате преодолевается оппортунистическое поведение и частно-государственное партнерство приобретает неотъемлемые атрибуты гибкости и устойчивости.

Синтез научно-технологического и социально-экономического прогнозирования способен дать теоретические инструменты, позволяющие на постоянной основе анализировать, обобщать и предлагать научно-методические рекомендации по лучшим практикам взаимодействия науки с промышленным сектором. Это касается формулирования потребностей в стратегических исследованиях, осуществления мониторинга зарождающихся трансформирующих технологий, оценки возможностей доступа к передовым технологиям существующего и нового бизнеса, участия в создании отраслевых стандартов и др.

Эти теоретические инструменты будут также способствовать приобретению концепцией перечня критических технологий РФ системообразующего значения для разработки и коррекции планов технологического развития всех экономических субъектов страны.

Анализ пакета официальных документов, действовавших в данной сфере в период 2009–2011 гг., размещенных в открытом доступе (Указ Президента РФ от 21 мая 2006 г. № 843 «Приоритетные направления развития науки, технологий и техники», паспорта критических технологий РФ [4] и Постановление Правительства РФ № 988 «Об утверждении перечня научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, расходы налогоплательщика на которые в соответствии с пунктом 7 статьи 262 части второй Налогового кодекса Российской Федерации включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5» от 24.12.2008 [5]), позволил сформулировать однозначный вывод: содержание данных документов последовательно и с незначительными изменениями вытекает одно из другого.

Но в дальнейшем ситуация изменилась. Если новая редакция 2011 г. положений Налогового кодекса РФ полностью коррелирует с новой редакцией При-

оритетных направлений развития науки, технологий и техники (ПНРНТТ) 2011 г. [6], то вместо прежних «паспортов критических технологий» в результате деятельности ведущих российских вузов по научно-технологическому прогнозированию появились «долгосрочные приоритеты прикладной науки в России», связь которых с новой редакцией перечней ПНРНТТ и критических технологий РФ оказалась в значительной мере утрачена. Например, в актуализированном перечне «льготируемых» в НК РФ НИОКР [7] отсутствуют прямые упоминания о традиционных технологиях получения лекарственных средств – методах направленного химического синтеза, комбинаторной химии, технологиях с использованием лекарственного растительного сырья, а также сырья животного происхождения. Но эти технологии пока не теряют своей актуальности и по-прежнему способны быть источником новых, востребованных на рынке биологически активных молекул.

Между тем в НК РФ достаточно подробно представлены другие, более современные технологии получения терапевтических средств, большинство из которых относится к клеточным технологиям. В этом плане результаты выполненной работы в рамках долгосрочного прогноза научно-технологического развития России до 2030 г. (под эгидой Минобрнауки РФ) являются более реалистичными и приближенными к насущным потребностям фармацевтической промышленности. Так, среди приоритетных направлений прикладных исследований и разработок, наряду с современными технологиями получения терапевтических средств (клеточные и биотехнологии), обозначены и традиционные технологии получения лекарственных средств на основе мишень-ориентированного химического синтеза соединений с определенной биологической активностью. В то же время ни в один из официальных документов, программирующих сегодня поведение производителей и потребителей, не включены классические технологии получения фармацевтических средств из лекарственного растительного сырья. Это ставит под сомнение возможность получения конкурсного финансирования, целесообразность проведения подобных научно-прикладных исследований в большинстве фармацевтических вузов страны и в ряде профильных научно-исследовательских институтов, научная ориентация которых – именно лекарственные растения. Не следует забывать об огромном потенциале ресурсов и продаж на данном рынке в России.

Принципиальная разница подходов в экономическом контуре «долгосрочный социально-экономический прогноз до 2030 г. – налогообложение бизнеса» заключается в следующем. В отличие от НК РФ, прогноз фокусирует внимание на «медицине долголетия человека», «клонировании скота» и явно смещает фокус медицинских исследований с разработки лекарств к регенеративной медицине, диагностике и хирургическим методам. Кроме того, налоговые льготы сегодня не предусмотрены для тех тематических направлений НИОКР, которые заявлены технологической платформой «Медицина будущего» в качестве приоритета в рамках долгосрочного научно-технологического прогноза: биоэлектромеханика и лучевые технологии, разработка биodeградируемых и композитных материалов и др. Особую тревогу вызывают разные акценты: в НК РФ – ветеринарные препараты, в научно-технологическом прогнозе – лекарственные средства, а также «выпадение» из

категорий льготного налогообложения НИОКР конкурентоспособных на мировом рынке российских производителей в сфере лучевой диагностики.

Несмотря на имеющую место конкуренцию методов прогнозирования, их большая часть является консенсусными методами (классический пример – форсайт) и нацелена на достижение договоренностей в экспертном коллективе. Но, увы, и консенсусные методы, активно используемые в течение последних трех лет российской наукой, не в состоянии преодолеть конфликт общественно-политических интересов государства и коммерческих интересов фирм.

Вновь обратимся к примерам деятельности технологических платформ РФ. Находящиеся в открытом доступе «Методические материалы по разработке стратегической программы исследований технологической платформы» ссылаются на якобы традиционные для организации НИОКР экономические механизмы привлечения средств на рынке: финансирование мероприятий и проектов может осуществляться в форме кредитов, финансового лизинга, инвестиций в ценные бумаги, эмитируемые участниками программных мероприятий и проектов, а также за счет денежных, имущественных и иных вкладов в рамках партнерских соглашений о совместной деятельности и иных способов привлечения инвестиций, не противоречащих законодательству. Увы, все перечисленное уже более двадцати лет масштабно не работает в целях обновления основного капитала российской промышленности. Поэтому ведущим российским технологическим платформам приходится прибегать к разработке сложных организационных ноу-хау, например, через формирование и реализацию так называемых комплексных проектов полного цикла (КППЦ) для «Медицины будущего». Сегодня можно установить взаимосвязь всего лишь между КППЦ и деятельностью рабочей группы технологической платформы в сфере долгосрочного научно-технологического прогнозирования. Другой логичной взаимосвязи – между проектами технологической платформы и долгосрочными социально-экономическими прогнозами и планами – в РФ пока не существует. Ее отсутствие как важнейшего звена, интегрирующего достижения науки и техники с реальной экономикой, неоднократно вызывало острые дискуссии экспертов отраслевых центров прогнозирования в ходе мероприятий технологической платформы «Медицина будущего». В частности, это происходило на круглом столе «Развитие сети отраслевых центров прогнозирования в области «Науки о жизни»: Достигнутые результаты и задачи на будущее. Стратегия создания Дорожных карт по направлениям ТП» – в рамках мероприятий II Международного форума «Инновации в медицине: основные проблемы и пути их решения. Высокотехнологичная медицина как элемент новой инновационной экономики» 22–23 марта 2013 г. в г. Новосибирске, в Инновационном медико-технологическом центре. Его участники подчеркнули, что залогом плодотворности трудоемкой работы экспертов по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники РФ в секторах фармацевтики и медицинской промышленности является их совместная работа с не менее авторитетными отечественными учеными-экономистами, способными трансформировать категории «прорывы» и «проекты» в экономические категории «цены» и «планы».

Синтез научно-технологического и социально-экономического прогнозирования на основе унифицированных временных периодов и базовых индикаторов экономической активности позволит сформировать современный облик секторов российской экономики посредством трансформации корпоративных стратегий, являющихся сегодня фетишем в «навигаторы» для составления долгосрочных, среднесрочных и оперативных планов компаний.

Каким образом может быть осуществлен синтез научно-технологического и социально-экономического прогнозирования? Реальный, продуктивный синтез предполагает изменение теоретической парадигмы, нормативную регламентацию и организационное обеспечение.

Теоретико-методологические основания синтеза могут быть заложены только на пути отказа от рыночного фундаментализма и преодоления концепции «постиндустриальной экономики». Большой теоретический и практический потенциал, по мнению авторов, заложен в парадигме неоиндустриализации.

Нормативное обеспечение требует улучшения и актуализации регламента скорее всего на основе внесения изменений в упомянутый ФЗ № 115.

Организационное обеспечение целесообразно выстроить сразу в двух направлениях: как разработки материалов прогноза, так и распространения его результатов. Некоторое приближение к желаемой ситуации здесь можно наблюдать на примере деятельности Общероссийской сети отраслевых центров прогнозирования по приоритетному направлению «Науки о жизни». Это единственное из шести приоритетных направлений, где за организацию указанных направлений деятельности отвечает не просто головной вуз, а технологическая платформа «Медицина будущего». Результат не замедлил сказаться. Деятельность по разработке материалов прогноза приобрела органичное природе прогнозирования свойство транспарентности, которое нашло выражение в проведении больших циклов открытых мероприятий для экспертов в предметной области, научной молодежи (форсайт-игры) и др. В качестве видимого результата оригинальной организации деятельности нельзя не отметить тот факт, что фундаментальная предметная область «Науки о жизни» получила развитие в двух прикладных направлениях: «Биотехнологии» и «Медицина и здравоохранение».

Многолетнее табуирование самого слова «план» принесло свои плоды. Теперь мы вынуждены изучать примеры других стран, в частности Китая, Индии, экономические успехи которых объясняются длительным горизонтом планирования. Представляется необходимым и важным использование в сфере организации прогнозной и плановой деятельности в России современного индийского опыта, описанного известным экономистом-индологом О.В. Маляровым [8, С. 181–189]. Плановая деятельность в Индии предстает прежде всего как многоитерационный процесс, основанный на сочетании долгосрочного (20–25 лет), среднесрочного (5 лет) и годового планирования. Очень важно то, что в этих планах обозначаются показатели капиталовложений и производства продукции как государственного, так и частного сектора экономики. Плановая комиссия Индии является в первую очередь органом экспертов. Одна из функций комиссии – ознакомление широкой общественности Индии с полными текстами планов на всех стадиях их составления и контроля выполнения. Таким образом, можно видеть, что, наряду со сходством используемых экспертных технологий в

сфере научно-технологического прогноза в РФ и в сфере индикативного планирования в Индии, существует принципиальная разница в доступе к результатам плановой работы, их транспарентности.

Организация процесса долгосрочного экономического планирования позволяет предъявить дополнительные требования к качеству материалов и результатов долгосрочного прогнозирования, научной обоснованности прогнозов, повышению персональной ответственности разработчиков. Этот тезис «просится» быть проиллюстрированным историей, рассказанной директором департамента продвижения инноваций и социальных программ ОАО «РВК» Евгением Кузнецовым в лекции, прочитанной в рамках проекта «Публичные лекции "Полит.ру"»: «Очень недавно была занятная беседа с рядом достаточно интересных людей, они рассказали историю, как собрались несколько академиков обсуждать будущее определенной отрасли – говорили о медицине. И когда они зафиксировали свои представления (это было нужно для разработки очередного долгосрочного прогноза и стратегии...), один из них сказал: «Коллеги, мы сейчас живем в необычное время: каждый из вас, с учетом развития медицины, имеет шанс дожить до того времени, когда за эти прогнозы придется ответить» [9]. Очевидно, что всегда сохраняется неопределенность в отношении будущего, а попытки влиять на него имеют ограничения, связанные со сложностью и высокой скоростью изменений условий жизнедеятельности. Но разработка прогнозов, по крайней мере, служит основанием для попыток осуществления адекватных действий. И потому дает надежду.

Литература

1. Джонстон Р. Анализ технологий, ориентированный на будущее: «проблема Кассандры» // Форсайт. 2011. Т. 5, № 2. С. 58–64.
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06
3. Долгосрочные приоритеты развития прикладной науки в России / под ред. Л.М. Гохберга. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013.
4. Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и Перечень критических технологий Российской Федерации: утверждены Письмом Президента РФ от 21.05.2006 № Пр-842, Пр-843.
5. Постановление Правительства РФ № 988 «Об утверждении перечня научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, расходы налогоплательщика на которые в соответствии с пунктом 7 статьи 262 части второй Налогового кодекса Российской Федерации включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5» (от 24.12.2008).
6. Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации».
7. Постановление Правительства РФ № 988 «Об утверждении перечня научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, расходы налогоплательщика на которые в соответствии с пунктом 7 статьи 262 части второй Налогового кодекса Российской Федерации включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5» (от 24.12.2008 г. в новой редакции от 06.02.2012 № 96).
8. Маляров О.В. Независимая Индия: эволюция социально-экономической модели и развитие экономики: в 2 кн. / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2010.
9. Кузнецов Е. Будущее как практика: как и зачем думать о будущем. URL: <http://polit.ru/article/2013/08/23/kuznecov/>